

От редактора рубрики

Коневодство и скотоводство, как традиционные виды жизнедеятельности, являются традиционной культурой жизнеобеспечения, если не для всех, то практически для большинства народов, проживающих на Евразийском пространстве. Независимо от климатических и ландшафтных особенностей конкретных регионов континента и международной политики государств в различные эпохи человеческой истории остается неизменной особенностью скотоводческих культур – высокая адаптивность, "мобильные" и "мобилизационные" возможности. Это древняя ментальная особенность кочевника-скотовода дает возможность сравнительно легко колонизировать любую среду, быстро находить способы выживания в постоянно меняющейся жизни. Сама жизнь – это постоянно изменяющееся пространство, которое находится в движении.

Верно отмечает А.В. Головнев: "Стремление кочевника к пути и охвату большого пространства инстинктивно; оно не мотивировано, поскольку путь и есть мотив"¹. Цель этого пути – колонизировать, освоить новое пространство для современных скотоводов, кочевников, пусть и на не материальном уровне. Осваивая новое пространство и адаптируясь к новым реалиям, человек, будь он оседлый земледelec или кочевник-скотовод, сталкивается прежде всего с новыми опасностями и жизненными обстоятельствами. Например, процессы урбанизации можно рассматривать с позиции, что сельский житель также "колонизирует" город, переезжая в него и сталкиваясь не просто с материальными трудностями, но, прежде всего, с трудностями личностного позиционирования в новой среде. Такой подход "очеловечивает" глобальные и локальные проблемы, с которыми человек встречается в повседневной жизни.

Глобализация и регионализация (глокализация), возросшая социальная мобильность и урбанизация во многом формируют повседневность жизни человека на протяжении последних нескольких десятилетий. Не избежали этого и носители традиционных скотоводческих культур, жизнь которых начинает усложняться, трансформироваться, что приводит к тому, что в некоторых местах ее специфика может исчезать полностью. В рамках этого многоэтапного процесса в разных регионах России можно выделить как особенности, определяющиеся культурой и традициями, так и общие стратегии и тактики адаптации носителей традиционной культуры скотоводов к современным социокультурным, экономическим и политическим процессам.

Рубрика показывает многогранность подходов и взглядов на результаты трансформации традиционных скотоводческих культур, формы ее осовременивания и ревитализации. Открывает рубрику статья Е.Е. Тиниковой, посвященная теме метисации хакасов. Статья представляет анализ экспертных интервью по теме, которая является острой для республики. Процесс метисации, ускоряющийся процесс утери языка, на почве конфликта города и села, обостряет проблему адаптации хакасов – носителей скотоводческой культуры, заставляет исследователей задуматься над вопросами поиска новых стратегий и тактик сохранения традиционной культуры, что и показано в данной статье.

Поиск новых стратегий и тактик выживания является примером того, как носители традиционной культуры пытаются определить границы, где она может легче стать частью повседневной реальности, а значит не потеряться в фондах музеев и библиотек, где про нее будут знать только историки и этнографы. Динамику возрождения этнокультурных маркеров демонстрирует исследование С.Б. Миягашевой. В статье показана интригующая этнографов и историков-антропологов тема урбан-шаманизма, который является примером не просто успешной ревитализации традиций, но и их модификации. Статья освещает успешную адаптацию шаманизма как части традиционной культуры бурятов к современности, то, как он стал элементом повседневности Улан-Удэ, столицы и центра буддистского мира России. Так традиционная

¹ Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2015. С. 93.

культура скотоводов – вера в Тенгри² и шаманизм – тесно переплетаются с мировыми религиями (буддизмом, христианством и исламом), создавая интересные, яркие формы синкретизма в современных условиях. Успешность полученного продукта адаптации и модификации традиционной культуры выражается, в том, что бурятские урбан-шаманы начинают экспортировать традиционную культуру бурят не только среди самих этнофоров, но и среди представителей других культур, этносов и рас.

Надо отметить, что "мосты прокладываются" не только между традиционной культурой и современным глобальным миром (о чем свидетельствует урбан-шаманизм). В процессе ревитализации и модификации традиционной культуры в современной городской и сельской среде "оживляются" глубинные, казалось бы, утерянные, но хранящиеся в исторической памяти связи между различными регионами Евразии. Авторы следующей статьи (У.У. Умиткалиев, А.И. Яковлев и др.) проводят параллели между эпохой Бронзы Восточного Казахстана и современной культурой якутов, самых северных представителей скотоводческой культуры, одними из предков которых можно считать как раз скотоводов и коневодов из Центральной Азии.

Закрывает рубрику работа О.В. Васильевой, которая выявляет роль исторической памяти в вопросе формирования этнокультурной идентичности в Республике Саха (Якутия) на современном этапе. Автор рассматривает различные зооморфные символы, которые имеют исторические основания, на предмет их мобилизационного потенциала. Именно эта статья завершает рубрику, так как показывает, как проходит процесс мобилизации этничности в современных условиях. Работа ценна тем, что демонстрирует, как формировалось представление об общей культурной основе якутского народа, и как именно скотоводческая культура и символ лошади в настоящее время стали этноинтегрирующими образами для якутов, в том числе тех, кто давно переселился в города и не имеет отношения к скотоводству напрямую.

Составляя данную рубрику, мы попытались показать, как скотоводческие, кочевые культуры противостоят, адаптируются, мобилизуются для ответа культурным и цивилизационным вызовам нашего времени. Пусть эти вызовы не лежат на поверхности нашей повседневной жизни, но они являются фундаментом всех тех процессов, которые создают современный Мир, в котором живет человек.

А.И. Яковлев

² бурят. Тэнгэри, якут. Тангара